

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ПРЕДКРИЗИСНОМ МИРЕ

А. А. ПЕЛИПЕНКО

Российский институт культурологии

Современна культурная ситуация характеризуется диффузным взаимопроникновением культурно-цивилизационных систем, что размывает не только традиционные геополитические границы, но и сам привычный дискурс рассмотрения этнокультурных и цивилизационных различий в оппозиции Восток — Запад. Соответственно любой разговор о цивилизационных взаимоотношениях Востока и Запада в современном мире не может вестись вне контекста глобальных процессов. Глобализация вовсе не является чем-то уникальным и присущим исключительно современной эпохе. Стремление к неограниченному росту, экспансии и бесконечной ассимиляции любого инокультурного материала свойственно всякой культурной системе, что и было многократно явлено в человеческой истории, начиная с древневосточных империй, кончая совсем недавним прошлым. Разве Советский Союз не пытался осуществить глобализаторский проект в рамках идеологии мировой революции, а затем «программы минимум» — мировой системы социализма?

Чтобы адекватно оценить и осмыслить современную ситуацию, мы должны, прежде всего, определиться с тем, какие черты современных глобальных процессов наследуются из исторического прошлого, и в чём состоит их инновационная специфика.

До пошлости банальным является стремление к языковой, экономической, аксиологической, политической и др. *унификации* разнообразных культурно-исторических форм на основе некоей базовой модели. Реализация этой тенденции в истории всегда выглядит одинаково: на тактическом уровне она создаёт удобства для управленческих процессов и манипуляций. На стратегическом же уровне, она приводит к губительной *гомогенизации культурного пространства*, т. е. истощению внутренней разнородности (разности потенциалов), что, в свою очередь, неизбежно приводит к угасанию, распаду и смерти культуры. Кроме того, этнос метрополии — автор базовой культурно-цивилизационной модели, этого «общего знаменателя» глобализации всегда платит за гегемонию блокировкой развития национальной культуры. Так было всегда — и у древних персов, и у византийцев, и в СССР. И ничего удивительного, что в такой же ситуации оказываются современные США. Вполне исторически преемственным является и то, что современный глобализационный процесс не имеет *имманентной конечной цели*. А это, в свою очередь, означает, что рубежи глобализации могут быть поставлены только *извне*.

Вместе с тем, мы должны отметить и ряд совершенно особенных черт, присущих современным глобализационным процессам.

Все прежние глобализационные проекты в истории осуществлялись, образно говоря, в эпоху идеалов, и, следовательно, по своим формам носили идеократический характер. Главным средством реализации такого проекта было прямое военно-политическое насилие, а его историческим воплощением — теократическая империя. Теперь же, когда эпоха идеалов сменилась эпохой интересов, прямое военно-политическое насилие оказывается средством неадекватным. Ему на смену приходит неолиберальный проект глобализации. О том, что это такое — написано уже достаточно много, и пересказывать это нет необходимости. Однако, при анализе современных тенденций, которые несомненно отражаются и на выстраивании межкультурных отношений по линии Восток — Запад, следует учитывать следующие факторы.

Прежде всего, то, что важнейшим фактором современного культурного климата является постмодернизм, который давно перестал быть узкой интеллектуальной модой, а является главной формой стихийного мировоззрения большей части образованного человечества.

Здесь, впрочем, следует избегать коварных аббераций и не уподобляться «просвещённому европейцу» 19в., для которого понятие «человечество» совпадало с понятием «цивилизированный мир», представленным соответственно всё той же Европой. И хотя наивный европоцентризм вроде бы давно осмеян и изгнан из научного обихода, примеров такого рода аббераций, тем не менее, предостаточно. Рассуждая о глобализации и постмодернизме, мы ни на минуту не имеем права забывать о том, что и то и другое относится к меньшей части человечества, в то время как за пределами ближней цивилизационной периферии, поверхностно затронутой этими процессами, существуют традиционно ориентированные общества, практически изолированные и от того, и от другого. И это вполне естественно: противоположности зримо сталкиваются и взаимодействуют только в зоне фронта развития, точнее сам этот фронт собственно и возникает в результате этого взаимодействия. А почва для этих процессов была подготовлена в ходе модернизации на протяжении всего 20в. Человечество как целое не существует. Во всяком случае, пока. И платой за размашистые обобщения выступает неадекватность понимания другого, несостоятельность прогнозов, нереализуемость крупномасштабных социально-политических программ, ориентированных на некий усреднённый человеческий стандарт.

Постмодернизм и глобализация манифестируют борьбу центробежных и центростремительных тенденций, прежде всего в ареале евро-атлантической цивилизации, а также на её ближней периферии и в регионах успешно прошедших модернизацию и удерживающих (а в некоторых областях задающих темп) социокультурной и технологической динамики. Переплетение этих тенденций проникает во все поры и клетки культуры и, по сути, определяет идейную и духовную атмосферу современности. Отражается это буквально на всём. Так приходящее на смену умершим (или латентно существующим) социально ориентированным формам и видам искусства новые его виртуальные и интерактивные формы, ориентированные, вроде бы на внутренне свободную и творчески продуктивную лич-

ность. Но те же виртуальные и интерактивные технологии выступают также и необычайно эффективными средствами зомбирования и оболванивания субъекта. Коммуникативное поле творчества с одной стороны сузилось до локальных субкультурных, (часто полумаргинальных) групп, а то и до виртуального мира в одном отдельно взятом РС, а с другой стороны, параллельный мир виртуального пространства бурно разворачивается, наподобие того, как в раннепервобытную эпоху мир артефактов разворачивался параллельно с миром удаляющейся природы.

Взаимодействие вышеозначенных тенденций всякий раз порождает специфический культурный контекст, характеризующийся по крайней мере, такими параметрами как относительная устойчивость и особые ценностные диспозиции. А динамика его изменений зависит от того, какая из тенденций тактически преобладает.

Нет ничего удивительного в том, что тема глобалистики обычно окрашивается в алармистские тона. Действительно, глобальные процессы в ближайшем историческом будущем обещают, что вполне очевидно, обернуться глобальными угрозами. И если глобализация, как бы её понимать, так или иначе связана с формированием новых макрокультурных систем, по отношению к которым инкорпорированные в неё элементы будут функционально сведены к подсистемам, то особую важность в интерпретации этих процессов представляет необходимость выхода на внешнюю по отношению ко всяким этим подсистемам позицию.

Здесь мы наталкиваемся на краеугольную проблему *границ понимания* и интерпретации процессов с позиции традиционного европейского (точнее, евро-атлантического) сознания. Дело не только в том, чтобы преодолеть максималистские aberrации и разобраться в том, что глобализуется, а что нет. Здесь, как и везде, действует закон *гармонизированной разнонаправленности*. С одной стороны — глобальные процессы, с другой дальнейшая атомизация и наращивание самодостаточности отдельного субъекта и малых групп. Пример — Интернет. Здесь и вовлечение в единый информационный космос и, в то же время, освобождение от целого ряда социальных связей. Всякая глобализация имеет обратной стороной дифференциацию. Процессы эти взаимосвязаны и речь может идти лишь о выявлении доминанты в тех или иных конкретных ситуациях.

Главная же проблема, кроется, в другом, а именно, — в нарастающей *неадекватности традиционной евро-атлантической культурно-антропологической доктрины современным цивилизационным процессам*. Думается, что её борьба за продление собственного существования а также судьбы её наследия станут ключевыми вопросами проведения культурно-цивилизационных фронтиров в 21 в. А процесс прочерчивания этих фронтиров в значительной степени может изменить традиционные представления о разграничениях между Востоком и Западом.

Специалисты справедливо отмечают, что традиционная (для 20в.) капиталистическая система хозяйства, выполнив свои исторические задачи, пришла к самоисчерпанию. А это, в свою очередь означает, что пришла к исчерпанию и сама *культурно-антропологическая доктрина*, лежащая в её основании (а не наоборот). Эта ренессансно-просвещенческая и производная от неё либеральная ант-

ропологическая доктрина, отбив на рубеже 19-20вв штурм нищезанятия и фрейдизма, в целом устояв перед современными атаками постмодернизма, продолжает оставаться мировоззренческой доминантой современного мира, или, по крайней мере, той его части, которая ориентирована на широко понимаемый европеизм. Обозначу, прежде всего, те положения этой доктрины, которые обнаруживают наиболее острую неадекватность сегодняшней ситуации и вольно или невольно способствуют углублению глобального кризиса.

Мифология прогрессизма, в духе которой составляются официальные проектные документы солидных международных организаций (например, ЮНЕСКО) породила мифологию равенства. Поскольку принцип развития оказался однозначно связан с линейным поступательным движением в сторону европейских ценностей, то разница между различными цивилизациями оказалась сведена к *чисто количественным* характеристикам приближения к этим ценностям и нормам. А если различия носит чисто количественный (стадиальный) характер, значит субъектом истории выступает некий *абстрактный человек вообще*, универсальный homo sapiens. И все кто отстал в развитии обязательно, рано или поздно, догонят. На научно-философском уровне прогрессистская модель развития давно разгромлена и осмеяна. Но мифология культурно-антропологического равенства отнюдь не желает сдавать своих позиций. Либеральный интеллигент приходит в ужас от пугающей статистики жизненных стандартов бедных стран, не желая понимать (несмотря на многократные объяснения), что если голодная смерть для европейца — ужас, то для жителя, скажем, Эфиопии — обыденная вещь. Постмодернистский штурм добил идеологию европоцентризма и она, прикрывшись словесными декларациями о полицентричности, релятивности ценностей и равноправии культур, ушла вглубь. Но про себя, европейское (и, разумеется, американское) сознание всё равно полагает себя главным и лучшим, на которых должны равняться все остальные. Но вот уже давно витающую в воздухе идею стратификации и типологизации культурных субъектов по принципу доминирования той или иной цивилизационной парадигмы либеральное сознание на дух не переносит. О том, что социо-культурные субъекты *органически* различаются по своей культурно-антропологической конституции, вопиют тысячи очевидных фактов. Но говорить об этом нельзя. Тут же наклеят ярлык фашиста, или кого-нибудь в этом роде, хотя культурно-антропологические страты никоим образом не совпадают ни с расовыми, ни с национальными различиями. Если война либеральной мифологии равенства со здравым смыслом будет продолжена, то ни о каком выходе из цивилизационного тупика, в который загнали человечество глобальные процессы, говорить не придётся. (После терактов 11 сентября, чаще всего по инерции говорили о зависти бедных к богатым. Не в бедности дело! Иначе оружие «голодных и рабов» было бы направленно, не куда-то за океан, а, прежде всего, в сторону своих собственных отнюдь не бедствующих правителей. Однако этого не произошло, потому что для постсредневекового традиционалиста правитель-деспот, ведущий разнузданно паразитическую жизнь, вполне вписывается в картину мира. Так, по его представлениям, и должно быть. А

вот заокеанский дядя Сэм (извините за грубые публицистические упрощения) эту комфортную картину мира безжалостно ломает, чем и вызывает животную ненависть традиционалиста, со всеми вытекающими отсюда последствиями). Кстати, одним из наиболее простых и надёжных критериев цивилизованности, является способность общества контролировать своих правителей.

В современном мире налицо очевидная *асинхрония цивилизационных процессов*. И в этой связи, именно перед евро-атлантической цивилизацией, как обладающей наибольшим влиянием на ход глобальных мировых процессов и в наибольшей степени склонной к рефлексии стоит задача осуществить фундаментальную мировоззренческую трансформацию, столь необходимую для выживания человечества перед лицом глобальных угроз ближайшего будущего.

Это значит, что либерально-гуманистическая антропология должна быть окончательно отброшена. Это значит, не учить всех своему языку и своим ценностям, *а с каждым субъектом говорить на его языке и в его системе ценностей*. Это можно было назвать доктриной «**НОВОЙ ЕСТЕСТВЕННОСТИ**».

Первоначальной естественности единства с природой и космосом, от которой цивилизации неуклонно и целенаправленно удалялась на протяжении всей своей истории, вопреки романтическим грёзам некоторых философов и экологов достичь никогда не удастся. Что ушло, то ушло. Но можно попытаться достичь новой естественности. Естественности, снимающей в себе весь опыт исторического бытия культуры, являющейся на сегодняшний день завершённым пространством второй природы. Это, в частности, включает в себя *невмешательство в имманентную диалектику иного*, что практически означает не мешать умирать нежизнеспособному. Либеральная богадельня — кратчайший путь к катастрофическому исчерпанию ресурсов. Конфликты следует не гасить, а локализовать. С варваром следует говорить по-варварски, т.е. на единственном языке, который он понимает. (Здесь Запад, кажется, начинает демонстрировать относительно разумное поведение.) Следует признать саму неизбежность и в ряде случаев необходимость вооружённых конфликтов и социального насилия, как вполне естественной формы разрешения противоречий между определёнными типами субъектов, даже если для этого придётся пожертвовать такими священными коровами как «Всеобщая декларация прав человека» и др.

Переноса на иные культурные субъекты свои нормы, ценности и стандарты, неолиберальная цивилизация открывает им путь к ресурсам и технологиям жизни, органически не свойственным их собственным цивилизационным парадигмам. Причём, совершенно неважно, во имя чего это делается — во имя принципов гуманизма или ради собственной выгоды. Пока что, однако, не поняты даже такие простые вещи как-то, что нельзя навязывать архаику формы современной парламентской демократии или в ультимативном порядке требовать отмены смертной казни в стране, где цена человеческой жизни сопоставима с ценой патрона. А ведь развитие ситуации заставит, и очень скоро, пойти гораздо дальше. Дай бог, если социал-дарвинизм окажется в 21в. самой жёсткой идеологией.

Разумеется, речь идёт не о старом, раскритикованном и немодном, как и сама классическая теория эволюции социал-дарвинизме. Современная, переосмысленная в духе «новой естественности» редакция социал-дарвинизма будет отличаться от прежней так же, как классический дарвинизм XIX в. от современных эволюционистских представлений. Так, в частности, механизмы и направленность естественного отбора, как и само содержание понятия жизнеспособности будет существенно иным, чем в традиционном дарвинизме. Можно сказать, что стремление к неограниченному росту популяций и экстенсивной экспансии в жизненное пространство с необходимостью перестанет быть доминантой социальной активности. Такой доминанты, вопреки утверждениям Дарвина никогда не было в природе, ибо природа, в отличие от культуры, никогда не забывала о тангенциальной силе. В природе рост всегда ограничивается формой и пределами системного видового качества, а взаимоотношения последних подчиняются закону комплиментарного баланса. По сути, цивилизация, на деле постулировав принцип выживания сильнейшего, переместив этот принцип с позиции одного из составляющих факторов эволюции на место системообразующего стержневого начала, реализовала, или, по крайней мере, попыталась реализовать в истории основное положение дарвинизма. Парадоксальность сочетания дарвинистского принципа агрессивного экстенсивного и ничем *структурно* не ограниченного роста с либерально-гуманистической антропологической доктриной со всеми её постмодернистскими релятивистскими коррективами, при всей своей очевидности, кажется, никем толком не описана. Мысль теряется в запутанном мельтешении внешних форм. Продуктивного снятия это противоречие не имеет. Классический дарвинизм в социальных отношениях должен быть изжит, а либеральная антропология — отброшена во имя всеобщего выживания.

С некоторых пор стало модно цитировать Дж. Хантингтона с его прогнозами по поводу конфликтов между цивилизациями в 21 в. Сами по себе эти идеи цивилизационных конфликтов, собственно говоря, лежат на поверхности и даже несколько странно, что их часто преподносят как некое откровение. Важно однако, что цивилизационные признаки, т. е. *признаки системного цивилизационного качества*, сводятся, как и всегда, к сумме конфессиональных, экономических, политических и иных определений *внешнего историко-эмпирического характера*. А между тем сам геном цивилизационного качества заключен не в них, а в *культурно-антропологическом типе базового для того или иного общества социального субъекта*. Но и это ещё не самое главное. Если мы представляем себе цивилизационный конфликт как некую разновидность *традиционно понимаемого* исторического конфликта, т. е. как конфликт *между обществами*, это значит, что мы совершенно не понимаем, что такое на самом деле есть цивилизационный конфликт. Носители различных до несовместимости цивилизационных парадигм, т. е. различные культурно-антропологические типы сосуществуют диффузно в пределах каждого общества. Пока эти различия не осознаются в собственной форме, а идеология равенства обеспечивает, по крайней мере, в тенденциях и декларациях, равный доступ к ресурсам, противоречия между ними носят точечный и локальный характер. Но,

видимо, вскоре ситуация изменится. И тогда на фоне внешних конфликтов, т. е. конфликтов задаваемых столкновением доминант цивилизационных стратегий на уровне целых обществ, станут разыгрываться драмы цивилизационного раскола *внутри самих этих обществ*. Вот это и будет настоящий цивилизационный конфликт, выстраивающий новую систему человеческих общностей на обломках прежней социальности с её ценностями, нормами и интегративными принципами.

Человечество развивается не от хорошей жизни. Не однажды перед ним возникала дилемма: развитие или смерть. Структурные кризисы нередко приводили к смерти. Системные всегда заканчивались выбором новой стратегии развития. Правда, и здесь никогда не обходилось без жертв, и жертв громадных. Сегодня человечество стоит на пороге системного кризиса. 21 век должен дать ответ на ключевой вопрос: развитие или смерть. Это значит, что в любом случае следует не просто с обречённым видом готовиться к катаклизмам а, прежде всего, к тому, чтобы сознательно пожертвовать привычным и морально комфортным мировоззрением во имя спасения и развития, ибо сегодня мир, как никогда прежде зависит от того, что происходит в конкретных человеческих головах.

GLOBALIZATION IN THE WORLD ON THE BRINK OF CRISIS

A. A. PELIPENKO

Globalization as a historical-cultural phenomenon cannot be regarded as the specific feature of the XXth century. The striving for expansion and assimilation of alien cultures is inherent in various cultural systems, beginning with ancient eastern despotisms.

The modern process of globalization has some features in common with previous expansions. Specifically, the tendency toward the unification of language, economy, politics, and so on follows the same basic pattern.

This tendency leads to destructive homogenization of culture, exhausting its inner variety and resulting in the death of this cultural system.

The specific feature of previous global expansion projects is their ideocratic essence. These projects, realized by means of military political violence, led to the rationale of ideocratic empires.

Nowadays, when military-political violence turned out to be an inadequate means of expansion, the neo-liberal project of globalization came into force. Nevertheless, we can see some important transformations of the neo-liberal project and liberal system of values, which are similar in some aspects to the transformation of ancient Greek police democracy to Hellenistic monarchy and the Roman Empire. Under the impact of globalization the development of a new ideocratic empire on the basis of commercial industry and consumerism is quite possible.